

Ференц Алмаши

Это не восстание, сир, это отделение

Оригинал: Ferenc Almásy. It's Not a Revolt, Sire, It's a Secession

Источник: <https://counter-currents.com/2023/07/its-not-a-revolt-sire-its-a-secession/>

Перевод с английского, 2023 г. На русском языке публикуется впервые!

Эммануэль Макрон на концерте Элтона Джона в первый вечер, когда во Франции только что вспыхнуло крайнее насилие.

В начале июля мы стали свидетелями новых беспорядков и грабежей по всей Франции. Президент Эммануэль Макрон с напором и наглостью, на которые способен только он, сделал вид, что находит это событие удивительным, несмотря на то, что его все ждали как минимум с 2005 года и последних масштабных беспорядков в пригородах.

Ни один разумный, информированный человек со здравым смыслом не был удивлен этой неделей хаоса. И даже если левые то ли из предательской предвыборной агитации, то ли из глупой откровенности говорили о бунте за справедливость, об оправданном гневе или даже о праздничных демонстрациях [sic!], то становилось ясно, что это не был бунт структурированный и продуманный, или даже стихийный и политически ориентированный. Скорее это была серия диких актов насилия, выражение ненависти и полного отторжения Франции, как будто иммунная система паразита отвергала хозяина.

И хотя очевидно неправильно, несправедливо и абсурдно валить в одну кучу всех иммигрантов или потомков иммигрантов, приходится констатировать, что слишком большая часть этого сегмента населения, несмотря на то, что они не принимали участия ни в беспорядках, ни в грабежах, также не оказывали никакого сопротивления и не пытались вмешаться и остановить действия своих сыновей, родных и двоюродных братьев или соседей.

Нет, это был не бунт, а выражение чего-то гораздо более серьезного, гораздо более тревожного и гораздо более глубокого: это было отделение, проявление сепаратизма. Прежде всего, мы наблюдаем отделение «новых французов». Это были десятки миллионов – прочитайте это число еще раз – новых французских граждан. Большинство из них из бывших французских колоний, но не только оттуда, так как большинство их сегодня родились во Франции как потомки легальных иммигрантов, которые не представляли проблем, когда прибыли в страну. Предполагалось, что это временная трудовая иммиграция. И эти люди все более и более явно делают шаг к отделению.

Это ни в коем случае не популярное, сознательное или политизированное движение. Мятельники – не бедняки, жаждущие социальной справедливости; это новые варвары, порожденные нашим цивилизационным коллапсом. Они не революционеры, а мародеры, полные ненависти к белым людям и желания доминировать в их пространстве, которое они намерены рано или поздно сделать своим.

Мы видели взрывы самодельных бомб; стрельбу боевыми патронами по полицейским; разрушение общественных зданий; угон машин; поджоги автомобилей; линчевание белых людей, а также полицейских в штатском или находящихся не при исполнении служебных обязанностей (после того, как их выследили), сведение счетов между соперничающими бандами по пути; случайные (пока) смерти; нападения на символы государства и общества, а также на транспорт, школы, полицейские участки, почту, мэрии, Олимпийский дом и крупные магазины; и сжигание французских флагов. Этот перечень действий, совершенных «возможностями для Франции», как их называют левые, является единственным важным политическим посланием. Нет, это не социальный бунт: это отделение, сепаратизм, это исповедание веры в идентичность. Здесь ставится под сомнение сам авторитет и легитимность французского государства – не правительства и даже не режима.

То, что произошло, ближе всего к военным действиям: это плод коллективного разума, свидетельствующий о ясном восприятии соотношения сил. На этой генеральной репетиции масса сепаратистских повстанцев объявила войну остаткам французского государства, которое попало в ловушку своего клиентелизма и череды актов трусости и отречения за последние 50 лет, что сделало его заложником того, что оно само создало.

Какой была реакция парижского режима на этот бардак? Прежде всего замалчивание (цензура видеороликов), затем отвлечение средств массовой информации (указание пальцем на боевые отряды патриотической самообороны для раздувания призрака фашистской угрозы) и, наконец, отрицание той огромной душевной силы, которая иногда позволяет людям жить, вплоть до их смерти, даже не принимая во внимание опасность. Это отрицание глубоко воодушевило макронистскую, глобалистскую, авторитарную постбуржуазия, атавизм упадочной буржуазии, которая отрицает как свое разложение за последнее столетие, так и смерть промышленной буржуазии в результате глобализации акционерного капитала – и масштаб проблем, за которые она ответственна.

Насилие полиции, которая становится все менее и менее профессиональной и французской и все более и более состоящей из сброда, служит только для того, чтобы усмирить последних галльских жителей периферийной Франции, которых обдирает сброд наверху, антинациональная олигархия, и грабит шушера снизу, постисламский и американизированный люмпен-пролетариат.

Это разделение Франции на три блока, описанное географом Кристофом Гийюи в его книге «Периферийная Франция» (*La France périphérique*), подтверждает анализ Ги Дебора, опубликованный в 1985 году:

Мы больше не можем ассимилировать никого: ни молодежь, ни французских рабочих, ни даже провинциалов или старые этнические меньшинства, потому что Париж, разрушенный город, утратил свою историческую роль создателя французов как народа. Что такое централизм без столицы? ... Только сфокусированное зрелище может объединить зрителей. Богатое выражение «культурное разнообразие» часто используется в рекламной речи. Какие культуры? Их не осталось. Ни христианской, ни мусульманской; ни социалистической, ни сциентистской. Не говорите о том, чего нет. Если мы взглянем на правду и доказательства, не останется ничего, кроме впечатляющей глобальной (американской) деградации любой культуры. ... Некоторые выдвигают критерий «говорения на французском языке». Нелепо. Говорят ли на нем сегодняшние французы? ... Мы стали американцами. Вполне естественно, что мы должны найти здесь все жалкие проблемы Соединенных Штатов, от наркотиков до мафии, от фаст-фуда до распространения этнических групп. ... Здесь у нас есть проблемы Америки без ее мощи. ... Здесь мы не более чем колонизированные люди, которым не удалось восстать, согласные на все с их эффективным отчуждением. ... Опасность апартеида? Это очень реально. Это больше, чем риск, это неизбежность, которая уже есть (с ее логикой гетто, расовых столкновений и однажды кровопролития). Общество, которое полностью разваливается, очевидно, менее способно принять большое количество иммигрантов без особых проблем, чем целостное и относительно счастливое общество.

Так что в этом контексте периферийная Франция, откровенно низведенная до низшего класса в период «желтых жилетов», когда парижский режим жестоко – а зачастую незаконно и безнравственно – подавлял демонстрации честных рабочих и простых людей, также все больше входит в состояние отделения, сознательно или нет. Мы являемся свидетелями начала полного распада французской нации – или того, что от нее осталось. Франция станет чем-то похожим на Бразилию, с концентрацией капитала, которая позволит небольшим группам обеспечить себе высокий уровень жизни за счет приватизации государственных услуг, в то время как остальная часть населения, будь то галльского или иммигрантского происхождения, будет вынуждена полагаться на взаимную помощь общины для удовлетворения своих потребностей.

Становясь все более слабым, французское государство мутирует в авторитарную и репрессивную систему, с ужасом признавая свое бессилие. Звучат призывы к большему уровню наблюдения, к большему контролю, беспилотникам на улицах, автоматическому распознаванию лиц, контролю и цензуре в Интернете. Кажется, никто ни на одной стороне политического спектра не понимает, что решение не заключается ни в разоружении полиции (но не подонков и бандитов, конечно), ни в вооружении полиции до зубов и превращении страны в полицейское государство. Решение – это меньше варваров и меньше предателей; не меньше свободы в надежде ограничить бандитов, а возвращение гарантированных основных свобод гражданам, уважающим общественный договор.

Следует сказать, что Франция разваливается, будь то в результате основанного на культуре и идентичности разложения французского народа, который подвергается воздействию глобалистского парового катка, или в результате массовой иммиграции мстительного субпролетариата, который вообще не пригоден для жизни в европейском обществе.

Глубокие механизмы, которые привели к такому положению дел, не могут быть остановлены, не говоря уже о том, что их можно было бы исправить несколькими политическими реформами. Слишком поздно. В начале июля потенциальная нация в процессе становления, шумными представителями которой были глупые варвары во время беспорядков и грабежей, сталкивается с нацией в состоянии разложения, которая была предана своей элитой и брошена на произвол судьбы в ее неизбежном упадке.

Решимость правящей французской олигархии подавить любую попытку реакции или самообороны лучше любых слов выдает глобалистский тайный план властей. Франция и французы должны подчиниться глобалистскому порядку и его варварским помощникам, даже если порядок временно утрачен. Любое сопротивление будут подавлять. Таким образом, нас не должно удивлять растущее желание части французов отделиться от французского государства. Мы были свидетелями не «городских беспорядков», а скорее исторического

спазма, раскрывающего раскол французского национального тела. Это был всего лишь один сейсмический толчок, и за ним последуют другие – наверняка гораздо более сильные. Будущее Франции или того, что от нее останется, будет определяться степенью подчинения каждой из сторон.

Приведенное выше эссе было перепечатано с сайта [Deliberatio](#).

Библиотека Велесова Слобода, 2023 г.